

ЛИНГВИСТИКА

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 248–256
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 248–256
<https://bonjour.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-3-248-256>
EDN: ATIRUI

Научная статья
УДК 821.161.1-1.09+811.161.1'42+929[Анненский+Гумилев]

Интерпретация лирических текстов поэтов разных когнитивных стилей

И. А. Тарасова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

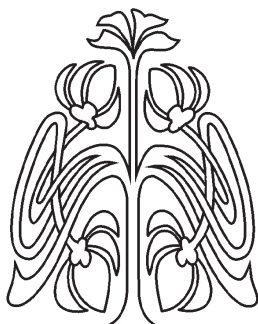
Тарасова Ирина Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры начального языкового и литературного образования, tarasovaia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3188-215X>

Аннотация. В статье рассматриваются особенности читательской интерпретации поэтических текстов Анненского и Гумилева, авторы которых принадлежат к различным типам когнитивных стилей. Понятие когнитивного стиля возникло в психологии, однако в результате трансферизации термина в область когнитивной поэтики возникла необходимость описать его параметры в целях использования в анализе поэтического текста. На первом этапе исследования требовалось найти лингвостилистические аналоги категориям когнитивно-стилевого подхода в психологии (полезависимость/полнезависимость, синтетичность/аналитичность, интуитивность/дискурсивность и др.). Мы полагаем, что эти параметры стиля обнаруживаются в концептуальных узлах когнитивной программы порождения текста (образ автора, образ адресата, прагматическая установка, способ трансляции авторской модели мира). На втором этапе исследования решалась задача рассмотреть особенности читательской интерпретации поэтических текстов, авторы которых принадлежат к различным типам когнитивных стилей. Для сравнения были выбраны тексты поэтов И. Анненского, чей когнитивный стиль характеризуется параметром синтетичности, и Н. Гумилева, которому присуща аналитичность. Данные эксперимента показали, что современные студенты испытывают значительные трудности при интерпретации художественных текстов синтетического типа. Интуитивно, на уровне ощущений и эмоций, читатели улавливают общий смысл стихотворения, но ассоциативные цепочки текста восстановлены менее чем в десяти процентах работ. Стихотворение Н. Гумилева – поэтическая декларация, построенная по риторическому принципу – на основе фигуры контраста. Воздействие текста Гумилева – это воздействие афористичной поэтической мысли, на которую с готовностью откликаются читатели. В заключении делается вывод о продуктивности применения термина «когнитивный стиль» как к процессу порождения, так и к процессу восприятия текста.

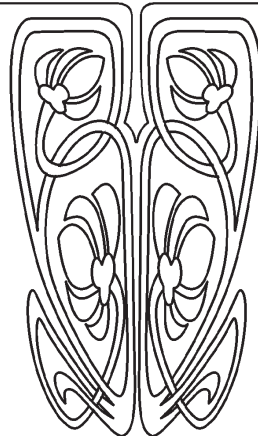
Ключевые слова: когнитивный стиль, когнитивная поэтика, интерпретация, И. Анненский, Н. Гумилев

Для цитирования: Тарасова И. А. Интерпретация лирических текстов поэтов разных когнитивных стилей // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 248–256. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-3-248-256>, EDN: ATIRUI

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

Interpretation of the lyric texts by the poets with different cognitive styles

I. A. Tarasova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Irina A. Tarasova, tarasovaia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3188-215X>

Abstract. The article discusses the features of the reader's interpretation of poetic texts by I. Annensky and N. Gumilev, the authors of which belong to different types of cognitive styles. The concept of cognitive style arose in psychology, but as a result of the term being transferred into the field of cognitive poetics, it became necessary to describe its parameters in order to use it in the analysis of the poetic text. At the first stage of the study, it was necessary to find linguistic-stylistic analogues of the categories of the cognitive-style approach in psychology (field dependence / field independence, analyticity / syntheticity, intuitiveness / discursiveness, etc.). These style parameters can be found in the conceptual nodes of the cognitive program generating the text (the image of the author, the image of the addressee, the pragmatic attitude, the method of translation of the author's model of the world). At the second stage of the study, the task to be solved was to consider the features of the reader's interpretation of poetic texts, whose authors belong to different types of cognitive styles. The texts of the poets I. Annensky, whose cognitive style is characterized by the parameter of syntheticity, and those by N. Gumilyov, who is characterized by analyticity, were chosen for comparison. The experiment data showed that modern students experience significant difficulties when interpreting synthetic literary texts. Intuitively, at the level of sensations and emotions, readers grasp the general meaning of the poem, but the associative chains of the text are restored in less than ten percent of the works. N. Gumilyov's poem is a poetic declaration built on a rhetorical principle – based on a figure of contrast. The impact of Gumilyov's text is the impact of aphoristic poetic thought, to which readers readily respond. The conclusion is drawn on the productivity of applying the term "cognitive style" to both the process of text generation and text perception.

Keywords: cognitive style, cognitive poetics, interpretation, I. Annensky, N. Gumilev

For citation: Tarasova I. A. Interpretation of the lyric texts by the poets with different cognitive styles. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 248–256 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-3-248-256>, EDN: ATIRUI

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Кросс-дисциплинарный трансфер понятия «когнитивный стиль»

Понятие когнитивного стиля возникло в психологии [1, с. 146]. В работах современных исследователей оно довольно широко используется в сфере лингводидактики и теории коммуникации [2–5].

Н. С. Болотнова впервые указала на продуктивность термина в сфере стилистики художественной речи, предложив его более широкую трактовку. Под когнитивным стилем языковой личности Н. С. Болотнова предлагает понимать «лингвистически и экстралингвистически репрезентированную и дискурсивно обусловленную ментальную форму отражения общего идиостиля языковой личности, определяющую специфику ее первичной и вторичной текстовой деятельности» [6, с. 167]. Вопрос о возможных репрезентантах когнитивного стиля в художественном тексте на примере синтезирующей/категоризирующей моделей поставлен О. В. Евтушенко [7], однако он решается только на материале антропонимов.

Естественно предположить, что понятие «когнитивный стиль» будет востребовано когнитивной поэтикой, в фокусе исследования которой «архитектура» ментальных форм автора и читателя [8, с. 146].

Когнитивная поэтика, возникающая в зоне междисциплинарного синтеза лингвистики, литературоведения, когнитивной психологии, охотно заимствует терминологию из области психологических исследований. Такой кросс-дисциплинарный трансфер позволяет по-новому структурировать объект исследования – поэтический идиостиль – и его вербальную репрезентацию – художественный текст.

Заимствование термина «когнитивный стиль» осуществляется по принципу «моноцентрической кластеризации». «Моноцентрическая кластеризация означает переход какого-либо термина из одной области знаний (дисциплины) в другую область знания, в которой он, используя в разных концепциях, сохраняет ядерную позицию и начинает обрастать новым кластером (кластерами)» [9, с. 153].

В нашем случае ядерное положение сохраняет междисциплинарный термин «когнитивный стиль», а его видовые обозначения (полезависимость/полenezависимость, узкий/широкий диапазон эквивалентности, аналитичность/синтетичность, дискурсивность/интуитивность и др.) приобретают статус параметров стиля и наполняются не психологическим, а лингвистическим содержанием.

Первые попытки обнаружить лингвистические аналоги когнитивно-стилевым по-

нениям «полезависимость/полenezависимость», «узкий/широкий диапазон эквивалентности», «аналитичность/синтетичность» и другие представлены в наших работах [10, 11]. В настоящей статье мы ставим своей целью рассмотреть особенности читательской интерпретации поэтических текстов, авторы которых принадлежат к различным типам когнитивных стилей.

Лингвистические параметры когнитивных стилей И. Анненского и Н. Гумилева

Согласно проведенным нами ранее исследованиям, идиостиль И. Анненского и Н. Гумилева характеризуется полярными когнитивными доминантами.

Когнитивный стиль И. Анненского отличаются *полезависимость* (проницаемость границ между я и не-я), декларированная метапоэтически (в критических статьях) и в строении художественных образов; *широкий диапазон эквивалентности* (способность к установлению общего у самых разных поэтических объектов, ассоциативный символизм); *синтетичность* (приоритет эмоции, «вчувствования» над дискурсивно-логическим разворачиванием мысли, холистичность), *интуитивность*, *сенсорно-эмоциональный способ кодирования информации*.

Когнитивный стиль Н. Гумилева, напротив, отличаются *аналитичность*, *дискурсивность*, *полenezависимость*, *вербально-визуальный способ кодирования информации*.

Эти черты когнитивного стиля двух поэтов в большей или меньшей степени отражены в текстах, предложенных реципиентам.

Для интерпретации были выбраны стихотворения И. Анненского «Я на дне» [12, с. 121] и Н. Гумилева «Я и вы» [13, с. 267], в которых вербализованы ключевые концепты поэтических систем сравниваемых авторов (*двоемирие*, *неслиянность*, *тоска* – у Анненского; *путь*, *поэт*, *рай*, *судьба* – у Гумилева). В них отчетливо просматриваются авторские стратегии смыслопорождения и способ общения с читателем. Выбранные тексты являются типичными репрезентантами разных когнитивных стилей – синтетического (Анненский) и аналитического (Гумилев).

Воздействие стихотворения Анненского во многом определяется ориентацией на «музыкальную потенцию слова» [14, с. 102]: плавный, напевный метрический строй трехстопного

анapestа; гармоничный фонетический рисунок, в котором переплетаются мелодия Андромеды, проходящая через высокие ударные гласные [э] и [и], и мелодия «обломка», оркестрованная низкими [а] и [о]. Порыв вверх достигает кульминации в последней строфе (*Там тоскует по мне Андромеда / С искаленной белой рукой*), где четыре раза подряд повторяется ударное [э] перед финальным падением к [о]. Сuggestивное воздействие на читателя усиливают морфемные (никому – никуда; водоем – водомет) и лексические повторы, в том числе анафорические (я – я; помню – помню).

Пространственную организацию текста определяет вертикаль: на первый взгляд, отчетливо деление на низ (*Я на дне, надо мной зеленеет вода*) и верх (*помню небо, Там тоскует по мне Андромеда*). Но постоянная память о небе лирического субъекта и тоска Андромеды по своей утраченной части делают топологию художественного мира Анненского более сложной: верх и низ неразделимы, их тоска по друг другу – это тоска неслиянности, и фонетика ключевой синтагмы (*Я на дне*), объединяющая низкое [а] и высокое [э], гармонически разрешает заданное на лексическом уровне противопоставление музыкальным синтезом. Таким образом, основную нагрузку в трансляции авторской модели мира берут на себя такие параметры синтетического когнитивного стиля Анненского, как ассоциативность, эмоциональная и музыкальная суггестия. В качестве одного из важнейших лингвистических маркеров синтетичности можно рассматривать конвергенцию поэтических приемов при создании ключевых образов (уподобление, олицетворение, метафора, многозначность, символ).

На «графичность линий взамен музыкальной слитности настроений и художественной неопределенности намеков» как определяющую черту идиостиля Н. Гумилева проницательно указал В. М. Жирмунский [15, с. 112]. Стихотворение Н. Гумилева – поэтическая декларация, воздействие которой строится по риторическому принципу – на основе фигуры контраста. Тонический размер говорного стиха создает ощущение прямого обращения лирического субъекта к читателю.

Воздействие текста Гумилева – это воздействие афористичной поэтической мысли, для выражения которой привлекаются пары контекстуальных антонимов: *я – вы, зурна – гитара, платья и пиджаки – драконы и водопады*,

араб – рыцарь, постель – дикая щель и др. Эти антонимы принадлежат полярным семантическим полям: привычное/необычное, бытовое/героическое, цивилизация/природа, прозаическое/поэтическое и т. д. Лексические средства репрезентируют аналитическую доминанту когнитивного стиля Гумилева, его дискурсивный, категоризирующий характер.

Позиция героя прочитывается однозначно. «Загадка» текста содержится в его концовке, в типичном для поэтики Гумилева приеме «асимметрического параллелизма» [16, с. 15] – прерывании серии контекстуальных противопоставлений поэтической омонимией: *всем открытый, протестантский, прибранный рай / туда*. Но для верной отгадки не нужны ни интуиция, ни «вчувствование» в текст – надо просто знать, что стоит за библейскими аллюзиями.

Оба стихотворения интересны с позиции местоименной поэтики – системной характеристики особенностей функционирования местоимений в стихотворном тексте [17, с. 166]. По замечанию Л. Н. Синельниковой, местоимения являются «высокоинформативным классом слов, смысловым ключом к пониманию авторских интенций и мировоззрения» [17, с. 165]. Местоимения репрезентируют лирического героя, его отношения в коммуникативном пространстве (я и другие), обладают текстопорождающими функциями. Семантическая поливалентность местоимений провоцирует творческую активность читателя, выступая смысловой вехой интерпретации.

Отражение особенностей когнитивных стилей в читательских интерпретациях

Материалом исследования, проведенного в Саратовском государственном университете в 2018/2019 уч. г., являются 102 интерпретации стихотворений (55 интерпретаций текста Анненского и 47 интерпретаций текста Гумилева), выполненных студентами факультета психолого-педагогического и специального образования, будущими учителями начальных классов. Общее количество участников эксперимента – 55 человек. Эти респонденты обладают определенными навыками анализа художественных текстов, не являясь в то же время профессиональными филологами. Интерпретация носила направленный характер: студентам было предложено осмыслить текст

по предложенным вопросам, фокусирующим внимание на поэтической грамматике и соотношении слова и образа.

Вопросы к каждому тексту были подобраны так, чтобы подсказать испытуемым программу авторского порождения смысла. Тексты студентам были не знакомы, фамилия автора не сообщалась. Тексты и вопросы к ним предъявлялись в письменной форме. Полученные ответы в тексте статьи выделены курсивом.

К тексту И. Анненского были предложены следующие вопросы:

Понравилось ли Вам стихотворение? Почему?

Возникают ли у Вас во время чтения какие-нибудь образы? Какие?

От чьего имени ведется монолог?

Почему в последней строфе появляется Андромеда? Знаете ли Вы, кто такая Андромеда? Как ее образ связан со смыслом стихотворения?

Большинству респондентов стихотворение И. Анненского понравилось (77%). Важно, что давшие отрицательный ответ на первый вопрос указывают на те же самые характеристики текста, что и принявшие его (для маркирования положительной оценки в тексте статьи используется помета +, отрицательной –).

В результате анализа ответов можно выделить четыре критерия оценки стихотворения: близость к образу автора, эстетическая оценка (эмоция формы), приятие/неприятие эмоциональной доминанты текста; очевидность/неочевидность смысла.

Безусловно положительно оценивается возникающая у читателей эмпатия, отождествление себя с автором. Эта группа содержит наибольшее количество ответов: *напоминает меня; находишь состояние своей души; похоже на мое настроение; находит отклик в душе читателя; отражает мое эмоциональное состояние; проникает в душу; проникновенное; напоминает мне о времени, когда я оставалась одна; чувствуется искренность автора; передает чувство одиночества, что может поддержать морально; его можно прочесть в грустные, трудные моменты жизни*.

Думается, что установка на эмпатию является конститутивной чертой Анненского как полезависимой языковой личности. Эта установка отчетливо проявляется в его критической прозе (жанр отражений), она же отмечена критиками (тем же Гумилевым [18, с. 92] в стихотворениях самого поэта. Реализации этой черты служит

образный мир Анненского, система тропов, в которой ведущее место принадлежит олицетворению, поэтика грамматических категорий, стратегии воздействия на читателя.

Респондентами отмечается суггестивность художественной формы стихотворения: *с каждой строкой погружаешься в него. Эстетическая оценка находит отражение в следующих признаниях читателей: нравится стиль стихотворения, метафоры; яркие, красочные эпитеты; автор глубоко передает чувства героя через различные художественные образы; использованы слова, которые давно не используются (Андромеда), это привлекает; написано интересно; складно, ритмично; легко читается; понравилось из-за стихосложения, из-за рифмы и образов. Дважды встречается эстетическая оценка красивое, правда, оба раза с оговоркой: красивое, но грустное; красивое, но пронизано грустными нотами.*

Сенсорно-эмоциональный способ кодирования информации (*точно передает эмоциональное состояние человека*) прослеживается в критерии приятие/неприятие эмоциональной доминанты текста.

Эмоциональная доминанта получает амбивалентную оценку: *люблю печальные стихотворения; красивое, но грустное; нагнетает тоску, грусть; падение духа, ощущение безнадежности, безвыходности всех ситуаций; грустное, печальное (–); депрессивное (–); страх и ужас (–).* В двух работах упоминается ключевой для Анненского метафизический концепт тоска (тоска души по небесной родине), который воспринимается исключительно как эмоциональный.

Присущая Анненскому энигматичность стиля, завуалированность ассоциативных линий текста делает его довольно сложным для современного читателя.

Сложность интерпретации подчеркивается в следующих характеристиках: *запутанность (–), загадочность (+), со скрытым смыслом; передает глубокий смысл; бессмысленное; слова подобраны так, что можно запутаться и не понять смысл, но тем не менее он понятен; понравилось глубиной и загадочностью; бессмысленное (–).* Скажем сразу: интуитивно, на уровне ощущений и эмоций читатели этот смысл улавливают, но его логическое осознание представлено всего в пяти работах.

Но, может быть, именно в этом состояла художественная задача Анненского, который

писал: «Мне вовсе не надо обязательности одного и общего понимания. Напротив, я считаю достоинством лирической пьесы, если ее можно понять двумя или более способами или, недопоняв, лишь почувствовать ее и потом доделывать мысленно самому» [14, с. 333].

Это «недопонимание» проявляется в ответе на вопрос об Андромеде. На наш взгляд, именно через этот образ осуществляется связь между «сенсорно-эмпирическим» и «ментальным», т.е. принадлежащим идеальному плану, сегментами лирического сюжета (терминология Л. Н. Синельниковой) [17, с. 22].

Абсолютное большинство участников опроса честно признались, что не понимают, как образ Андромеды связан со смыслом стихотворения. При этом удивляет не столько неспособность уловить ассоциативно-символические связи в «ментальном» сегменте сюжета (лирический герой – Андромеда), сколько беспомощность в реконструкции предметно-денотативного плана текста (обломок – статуя).

Единицы уловили разные грани поэтического смысла, символику ассоциаций, в большей или меньшей степени прикоснувшись к идее идеального мира, истинного бытия, духовной вертикали.

Автор хочет подчеркнуть свое (героя) одиночество и показать, что есть где-то Андромеда, но он все равно одинок.

Образ Андромеды напоминает рассказчику о своей возлюбленной, что только она выведет его на истинный путь, не даст ошибиться.

Андромеда – греческая богиня, и есть еще «туманность Андромеды», это космическое понятие. Я думаю, автор говорит нам о чем-то чистом и возвышенном.

Образ Андромеды выражает связь реального мира с потусторонним.

Технику ассоциативного символизма Анненского с большой убедительностью реконструировал Вяч. Иванов: «Поэт-символист этого типа берет исходною точкой в процессе своего творчества нечто физически или психологически конкретное и, не определяя его непосредственно, часто даже вовсе не называя, изображает ряд ассоциаций, имеющих с ним такую связь, обнаружение которой помогает многосторонне и ярко осознать душевный смысл явления, ставшего для поэта переживанием» [19, с. 170]. В проанализированных интерпретациях «схвачено», прочувствовано переживание, а сам образный узор в большинстве работ

не распутан (догадка, что обломок – это возможно (!) осколок от руки Андромеды – эксплицитно выражена только в четырех работах).

Присущий стилю И. Анненского принцип широкой эквивалентности как способности к установлению общего у разных поэтических объектов зеркально отражается в дивергентных ассоциациях читателей, эксплицировавших образы, возникающие у них в процессе чтения стихотворения.

Разброс образов отличается широкой амплитудой, хотя и здесь можно выделить несколько групп.

Первую составляют достаточно предсказуемые образы, находящие прямую опору в тексте. Одни из них воссоздают или дополняют предметный мир стихотворения (*Андромеда, большая белая статуя с одной рукой, другая по плечо отсутствует, все вокруг мрачное, серое, дымное; скульптуры богов, разруха; небо, звезды; полет в облаках, чистое, красивое озеро; ночное небо со звездами, огромное море, которое все отражает, тишина и спокойствие; образ пруда на закате, позже звездное небо; воды и неба, человек лежит под водой; обломок скульптуры лежит на дне фонтана*), другие отсылают к образу автора (*на дне водоема лежит человек и смотрит в небо; мужчина средних лет; мужчина средних лет, опечаленный, темные волосы, но голубые глаза, в которых можно увидеть глубину печальной души; образ человека, который вспоминает прошлое и сожалеет о настоящем; мужчина, тоскующий и отчаявшийся; образ поникшего человека, сломленного, но имеющего надежду; образ грустного человека; образ человека, чья жизнь пошла под откос; образ человека, который запутался в жизни и не знает, где найти выход; образ одинокого человека (2); образ одинокого человека, брошенного всеми*). В одной работе встречается интересное свидетельство совмещения точек зрения лирического субъекта и читателя (*я на дне, я поднимаю голову и вижу луч света, кругом вода, небо, озеро или море*).

Вторая группа – связанные с текстом ассоциативно – обнаруживают тот механизм «доделывания», о котором проникательно писал Анненский-критик. Среди них выделяются частично мотивированные эмоционально (*злодеи; образы суицида, смерти, увядания; образ умершего папы; образ мертвого человека, который хотел бы что-то исправить, но уже поздно*) и явно немотивированные, среди которых не-

ожиданно фиксируется группа военных реалий (*военный солдат, раненый; образы войны; образ военнослужащего мужчины, который потерял смысл жизни и прожил долгую жизнь; образ мутной и грязной воды в реке, поле боя*). Рискнем предположить, что стимулом для их появления явилось устаревшее обозначение фонтана – «водомет», прочитанное по оружейному коду (миномет, пулемет). Косвенно такая ассоциация может поддерживаться и другими лексемами военной тематики (*огонь, дым*). Очевидно, что «военные» образы разрывают авторскую цепочку ассоциаций и уводят читателя в сторону от смысла.

По свидетельству восьми респондентов, стихотворение вообще не вызывает никаких образов, а один из читателей сетует: *все образы завуалированы настолько, что трудно понять что-то конкретное, что пытался донести автор*. Этот ответ – показательное свидетельство капитуляции читателей перед неочевидностью смысла, ассоциативным, синтетическим способом его постижения.

Семантическая неоднозначность местоимения «я» отражается в ответе на вопрос о субъекте речи, который конструируется по принципу концептуальной интеграции (блендинга), являясь одновременно обломком статуи (в предметном мире стихотворения, его сенсорно-эмпирическом сегменте) и лирическим героем, в его экзистенциальном измерении. Большинство респондентов сосредоточили свое внимание только на одной ипостаси этого образного интеграта (*монолог ведется от имени автора, лирического героя, от имени обломка, от имени человека, который лежит на дне; от лица мужчины; от имени мужчины, который пережил какие-то страшные ситуации, и др.*), в единичных работах блендинговый характер образа как один из лингвистических параметров синтетичности стиля эксплицирован: *от имени неодушевленного предмета, в котором заложен образ человека; от имени автора, который представляет себя обломком на дне*.

Если стихотворение Анненского строится по эготивной коммуникативной модели, то интерпретация текста Гумилева определяется смысловым наполнением коммуникативной схемы я – вы.

Три четверти читателей (75%) симпатизируют лирическому герою, но это не эмоциональное «вчувствование», а вполне рациональная оценка. Разброс характеристик невелик:

опрошенные подчеркивают его непохожесть на других, свободолюбие, сильный характер, другими словами, полнезависимость: *не похож на окружающих; не такой, как все; держится особняком от всего мира, не похож ни на кого; не следует слепо за обществом, а живет полной жизнью; у него свой взгляд на мир; одинокий; интересен, необычен, загадочен; идет по своему пути; выделяется из толпы; поэт, свободный человек, не зависящий от общественных норм; свободный и одинокий; отщепенец; бунтарь; имеет личную позицию; не боится сказать и показать, что он не такой, как все; смотрит на мир своими глазами, идет по своему собственному пути; герой-одиночка, бунтарь, которому чужда жизнь светского общества; показывает свое превосходство над другими; не следует общепринятым стандартам, живет по своей воле; не думает о чужом мнении; чувствует свое отличие от общества; у него есть свой характер, он не следует нормам времени, пытается показать свою индивидуальность; идет по своему пути, который под силу только людям с сильным характером.*

Обратим внимание: в работах доминирует не образная, а логическая категоризация. В ответах не наблюдается отождествления с героем, напротив, читатели, скорее, склонны занимать позицию адресата: *автор находится в своем мире, который не похож на наш.*

В ходе характеристики образа героя читатели эксплицировали ряд оппозиций, определяющих поэтику текста (*его мир/наш мир; реальность/фантазия; природа/общество; поэт/высший свет*), проявив определенный аналитизм восприятия.

На вопрос «Как Вы понимаете смысл заглавия?» ответы разделились почти поровну.

Одна часть респондентов прочитывают стихотворение как изображение любовной ситуации: *в стихотворении идет речь о мужчине и его возлюбленной, с которой он не может быть вместе; автор раскрывает чувства женщине; автор разговаривает мысленно с девушкой, которую любит, но не может быть с ней; смысл заглавия – сопоставление героя и его возлюбленной; речь идет о чувствах и о сопоставлении себя с возлюбленной; смысл заглавия – в сравнении себя со своей избранницей.*

Другие читатели переходят на ступень обобщения: *лирический герой противопоставляет себя обществу; я считаю, что местоимение «вы» в заглавии указывает не на единственного*

человека, а на общество; заглавие подразумевает обособление героя от общества, называя их «вы», он как бы отделяет себя; из заглавия можно понять, что автор сравнивает героя произведения с окружающими и показывает, что он не похож на всех; герой говорит о себе и противопоставляет всему окружающему; автор противопоставляет себя другим; смысл заглавия заключается в том, что главный герой сопоставляет себя с обществом, тем самым говоря, что он не похож на окружающих, свободен от предрассудков и полон фантазии; герой противопоставляется всему миру.

Только в одной работе допускается неоднозначность интерпретации, но полнезависимость как принцип построения образа при этом только подчеркивается: *мне кажется, лирический герой сопоставляет себя и свою возлюбленную, себя и мир вокруг.*

Антитетическая основа текста обуславливает читательское осмысление функции союза «и» в заглавии: 8 человек определили эту функцию как противительную, 5 – как разделительную, 13 – как сопоставительную.

Как и ожидалось, наибольший разброс мнений вызвал последний вопрос: «Что ждет героя в конце пути?»

В большинстве интерпретаций последняя, «темная» строфа как будто вовсе не замечается: респонденты ограничиваются не вызывающим сомнения утверждением, что героя ждет *гибель (в дикой щели), одинокая/необычная/неизбежная/не похожая на других смерть, что-то страшное.*

Следующие текстовой логике бинарных оппозиций читатели отмечают, что героя ждет *не рай, протестантский ад, где его ждут такие же как и он люди низшего слоя общества, ад (ведь разбойник и блудница не могут быть в раю!).*

Опора на ключевое слово «Вставай!», помещенное автором в сильную позицию конца текста, приводит читателей к неожиданным выводам: *Даже после смерти тела он будет рваться к действию; после смерти тела душа будет рваться к действию; его ждет смерть, но только физическая; его ждет лучшее место. У него будет свобода и после смерти.*

Три читателя разрешили оппозицию между раем и адом в пользу бессмертия: *Автор говорит о бессмертии: «Вставай!»; В конце блудница кричит «Вставай!» в знак бессмертия; речь идет о вечном бессмертии.*

О том, что «не протестантский» рай есть вполне канонический, евангельский рай, не догадался никто.

Заключение

Суммируем наши наблюдения, соотнеся биполярные когнитивные параметры идиостиля с концептуальными узлами когнитивной программы порождения текста, выделенными Е. Г. Беляевской [20]: 1) образ автора/лирического героя; 2) образ адресата/читателя; 3) прагматическая установка; 4) способ трансляции авторской модели мира.

Определяющими характеристиками образа автора и лирического героя являются полезависимость (тесная связь я и не-я) у Анненского и полenezависимость (противопоставленность себя миру) у Гумилева.

Эти черты зеркально отражаются на позиции адресата, отождествляющего себя с лирическим субъектом у Анненского и достаточно отстраненно оценивающих героя Гумилева.

Ведущим способом трансляции авторской модели мира является у Анненского – эмоционально-ассоциативный, у Гумилева – вербально-логический. Борьба автора с читателем, о которой писал Ю. М. Лотман [21, с. 357], – это борьба не только моделей мира, но и когнитивных стилей.

В основе восприятия синтетического текста Анненского лежит прагматическая установка на вчувствование, сопереживание, интуицию читателя. Условие адекватного восприятия – готовность к суггестивному воздействию, способность уловить ассоциативные связи.

Текст Гумилева строится на контрасте – фигуре мысли. Он стимулирует логические формы категоризации, переход на ступень обобщения, рациональный способ решения загадки текста, иначе говоря – анализ.

Полагаем, что в совпадении когнитивных стилей автора и читателя – одно из объяснений избирательности читательской рецепции, состоявшейся или несостоявшейся художественной коммуникации. Данные проведенного эксперимента свидетельствуют о значительных трудностях студентов в интерпретации текстов когнитивного стиля синтетического типа, неспособности восстановить цепочки ассоциаций в ситуации неочевидности смысла. Аналитический стиль оказывается более простым для интерпретации.

Что касается самого термина «когнитивный стиль», то он, безусловно, должен быть включен в перечень теоретических понятий когнитивной поэтики, характеризующих процессы порождения и восприятия текста.

Список литературы

1. Холодная М. А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. СПб. : Питер, 2002. 272 с.
2. Гаврикова Л. Г. Аргументативный дискурс носителей противоположных полюсов когнитивных стилей // Вестник Калужского университета. Серия 2. Исследования по филологии. 2024. № 2 (8). С. 4–10. EDN: ASLZCM
3. Терентьева Д. М. К лингвистическим параметрам когнитивного стиля `когнитивная сложность / простота` // Вестник Калужского университета. Серия 2. Исследования по филологии. 2024. № 1 (7). С. 30–35. EDN: ZKBKRD
4. Новикова А. Н., Федорова С. Н. Учет когнитивных стилей обучающихся при выборе стратегий обучения иностранному языку // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 7 (109), ч. 4. С. 95–100. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.109.7.125>, EDN: MELQHU
5. Кирюшина О. В., Злыгостева А. А. Диагностика и учет когнитивных стилей обучающихся как способ индивидуализации процесса обучения иностранному языку // Историко-педагогический журнал. 2023. № 3. С. 111–123. EDN: QTLVZT
6. Болотнова Н. С. К вопросу о понятии «когнитивный стиль языковой личности» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 10 (125). С. 164–168. EDN: PJCDUZ
7. Евтушенко О. В. Когнитивный стиль по его репрезентантам в художественном тексте // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2022. № 1. С. 57–65. <https://doi.org/10.31912/pvrl-2022.1.6>, EDN: AQIPPP
8. Тарасова И. А. Когнитивная поэтика: предмет, терминология, методы. Саратов : Научная книга, 2016. 222 с. EDN: WKHGRN
9. Ирисханова О. К., Киосе М. И. Технология трансфера междисциплинарных терминов в лингвистику // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: Методы, принципы, технологии / отв. ред. В. В. Фещенко. М. : Культурная революция, 2016. С. 151–180. EDN: YQAGOL
10. Тарасова И. А. Когнитивный стиль Иннокентия Анненского // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2013. № 8. С. 38–42. EDN: UGWVCX
11. Тарасова И. А. Поэт как критик: константы когнитивного стиля // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328). С. 165–167. EDN: QVKUMH

12. Анненский И. Ф. Стихотворения и трагедии. Л. : Советский писатель, 1990. 640 с. (Библиотека поэта. Большая серия).
13. Гумилев Н. С. Стихотворения и поэмы. Л. : Советский писатель, 1988. 632 с. (Библиотека поэта. Большая серия).
14. Анненский И. Ф. Книги отражений. М. : Наука, 1979. 679 с. (Литературные памятники).
15. Жирмунский В. М. Преодолевшие символизм // Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. С. 106–133.
16. Котова А. Г. Прагматическо-семантические аспекты идиостиля Н. С. Гумилева : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000. 24 с.
17. Синельникова Л. Н. Стихотворный текст: междисциплинарная интерпретация. М. : ИНФРА-М, 2019. 267 с. (Научная мысль). https://doi.org/10.12737/monography_5bf2857d4ef7c7.78706997, EDN: YUUIJCX
18. Гумилев Н. С. Письма о русской поэзии. М. : Современник, 1990. 383 с.
19. Иванов Вяч. О поэзии Иннокентия Анненского // Иванов Вяч. Родное и вселенское. М. : Республика, 1994. С. 170–179.
20. Беляевская Е. Г. Когнитивные параметры стиля // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 1. С. 211–229.
21. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста. СПб. : Азбука ; Азбука-Аттикус, 2016. 704 с.

Поступила в редакцию 30.01.2025; одобрена после рецензирования 04.03.2025;

принята к публикации 30.04.2025; опубликована 29.08.2025

The article was submitted 30.01.2025; approved after reviewing 04.03.2025;

accepted for publication 30.04.2025; published 29.08.2025